

ВИТГЕНШТЕЙН И ПЛАТОН: ВОПРОС О ДИАЛОГЕ

К. А. РОДИН

Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики
rodin.kir@gmail.com

KIRILL RODIN

Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences

WITTGENSTEIN AND PLATO: THROUGH THE QUESTION OF DIALOGUE.

ABSTRACT. Wittgenstein's Anti-Platonism in a field of ethics, philosophy of religion and philosophy of mathematics is a common place in Wittgenstein studies. But Wittgenstein's approach to Plato and especially the way Wittgenstein reads Plato's dialogues are usually dismissed. In the article, I recollect nearly all passages in Wittgenstein's texts where Wittgenstein gives any quotations from Plato or any comments on Plato and Socrates. I analyze contexts in which these quotations and comments emerge. Then I argue that the only theme Wittgenstein was interested in Plato's dialogues was the dialogical form itself and that the nature of language or the nature of knowledge (as a part of Platonistic discourse) appears to be of no interest for Wittgenstein.

KEYWORDS: Wittgenstein, Plato, language-game, dialogical form.

* Статья написана при финансовой поддержке совета по грантам Президента РФ (проект МК-5659.2016.6).

Равнодушие Л. Витгенштейна к истории философии хорошо известно. Тем удивительнее встретить в текстах философа множественные (относительно) упоминания диалогов Платона. Большая часть цитат и упоминаний впервые обнаруживается в написанном в 1931 манускрипте MS 111 (входит в Nachlass – собрание манускриптов, машинописных текстов и диктовок Витгенштейна). В последующие годы «платоновские» фрагменты указанного манускрипта переходят в другие тексты фактически без значительных изменений. Именно в 1931 начинается работа над созданием нового стиля в философии – переход от манифеста к небольшим зарисовкам (по которым легко отличить «позднего» Витгенштейна от Витгенштейна времени создания Ло-

гико-философского трактата). Манускрипт ш содержит следующие отсылки к диалогам Платона: на стр. 13 цитируется *Кратил*, на стр. 14 и 20 – *Теэтет*, на стр. 15 упоминается *Филеб*. На стр. 26–7 и 69 разбирается вопрос о природе знания (без указания на диалог). На стр. 55 дано замечание – будто при чтении сократических диалогов ощущаешь пустую трату времени. На стр. 133 впервые встречается знаменитая ремарка, иронически обыгрывается тезис: мы якобы не продвинулись дальше Платона в понимании «реальности». Кроме того, на стр. 192 Витгенштейн объявляет диалоги искусственными или даже фальшивыми (далее тема получит развитие в разговорах с О. К. Баусма). В более поздний машинописный текст «The Big Typescript» TS 213 (Wittgenstein 2005) переходят цитаты из диалогов *Кратил* (35) *Филеб* (176) и *Теэтет* (170 и 270). На стр. 54 и 56 обсуждается вопрос о природе знания. Замечание о Платоне и «реальности» воспроизводится на стр. 312. В «Философской грамматике» (Wittgenstein 1974) – за исключением диалога *Кратил* – встречаются те же диалоги, что и в TS 213. Там нет общих ремарок о Платоне. О природе знания по Сократу (без упоминания диалога) сказано на стр. 120. На стр. 56 – цитата из диалога *Софист* 261e-262a: «Платон говорит, что предложение состоит из существительных и глаголов» (цитируем по Витгенштейну). В «Философские исследования» (ФИ) переходят два фрагмента из диалога *Теэтет*: §46 и §518.

Из-за постоянных повторов и почти неизменного контекста история «миграции» «платоновских» фрагментов из одного манускрипта или машинописного текста Витгенштейна в другой сообщает мало по проблеме рецепции Витгенштейном наследия Платона (дополнительные подробности см. в статье Kienzler 2013). Перед читателем почти всегда один фрагмент (189a) из диалога *Теэтет*. Или – одна и та же странная аллюзия на диалог *Филеб* (40a).¹ Итого в текстах Витгенштейна упоминается или цитируется диалоги Платона: *Хармид* (MS 239 стр. 53. и в других текстах), *Кратил*, *Теэтет*, *Софист* и *Филеб*. В более полном виде «платоновские» цитаты в текстах Л. Витгенштейна представлены в сборнике «Anspielungen und Zitate im Werk Ludwig Wittgensteins, gesammelt und ermittelt» (Biesenbach 2014).

В беседах с учениками или друзьями Витгенштейн обсуждает другие диалоги, кроме названных. Баусма (Bouwisma 1986) упоминает *Евтидем*, *Протагор*, *Федр*, *Пир*, *Парменид*, *Государство* и диалог о мужестве: очевидно, *Лакхет*. В лекциях Витгенштейна 1932-3 гг. – изданных по конспектам Э. Эмброуз (Ambrose 1979) – обсуждается понятие добра и красоты со ссылкой на Платона и без упоминания диалогов. В воспоминаниях М. Друри

¹ Витгенштейн пишет: «Plato nennt die Hoffnung eine Rede. (*Philebos*)» (Платон называет надежду некоторой речью).

(Druy 1999) Витгенштейн говорит о диалоге *Теэтет* – Витгенштейну диалог представляется наиболее близким к собственным размышлениям – и о диалоге Парменид («...among the most profound of Plato's writings»). Очевидно, Платон постоянно в поле внимания Витгенштейна. Но, как будет показано, цитаты из Платона служат ему всего лишь в качестве иллюстраций.

Мы выделим несколько контекстов цитирования Витгенштейном Платона.

1. Обсуждение общих понятий.
2. Именованное и значение (в более широком ключе – соотношение языка и реальности).
3. Объекты, индивиды и первоначала.

Машинописный текст The Big Typescript TS 213 содержит наибольшее число интересующих нас цитат (перевод с немецкого с учетом перевода английского – наш). О поиске Сократом общих определений говорится так:

Когда у Платона встречается вопрос типа «что есть знание» – я не нахожу в качестве предварительного ответа: «Давайте посмотрим, как это слово употребляется». Сократ всегда отказывается говорить о конкретных случаях (примерах) знания в пользу разговора о знании [вообще] (стр. 54).

Сократ задает вопрос, что есть знание, и не удовлетворяется перечислением примеров знания. Но мы не обращаем большого внимания на общее понятие и довольствуемся пониманием сапожного дела, геометрии и пр.

Мы не верим, что только тот, кто может дать определение понятию «игра», действительно понимает игру (стр. 56).

В «Философской грамматике» также говорится, что Сократ не рассматривает конкретные случаи-примеры знания даже как предварительный ответ на вопрос о природе знания вообще (120). Подобные замечания следует оценивать через противопоставление условно платонического представления о самотождественной идее и концепта «семейного сходства» – одного из главных концептов «позднего» Витгенштейна. В начале «Философских исследований» (*ФИ*) Витгенштейн, например, демонстрирует, что, несмотря на сходство одних игр (не обязательно языковых) с другими, невозможно предложить общего определения игры как таковой. Кроме того, определение Витгенштейном значения слова через контексты употребления ставит препятствие для создания общей теории генезиса значения (поскольку разные слова употребляются принципиально по-разному – в *ФИ* в пример приводятся числительные, указательные местоимения и слова, обозначающие конкретные предметы – постольку они будут наделяться значением соответственно различной практике их языкового употребления). Но принципиально (в явном виде) Витгенштейн не противопоставляет свою позицию некоторой реконструкции учения об общих понятиях – и просто не прово-

дит подобной реконструкции. В приведенных цитатах указывается на «дисквалификацию» конкретных примеров или конкретных случаев языкового употребления понятий². И, тем не менее, определение значения слова через контексты употребления в определенном смысле противоположно разговорам Сократа об общих понятиях.

Теперь обратимся к цитате из диалога *Кратил*. На стр. 34 TS 213 Витгенштейн ставит два вопроса: в каком отношении можно говорить, что кто-то знает значение некоторого слова до выполнения команды (сама команда в языковом выражении включает в себя данное слово). Второй вопрос: в каком отношении можно утверждать, что кто-то будет знать значение слова, если выполнит требуемую команду (будут ли противоречить два таких значения, спрашивает Витгенштейн). Далее на следующей странице 35 приводится параллель: «Я хочу яблоко». В каком смысле я могу утверждать, что знаю значение слова «яблоко» до исполнения моего желания. Как проявляется знание о значении некоторого слова. Витгенштейн утверждает: очевидно, понимание слова заключено в устном описании (а описание или объяснение не есть исполнение желания). Значение представляет собой соглашение, а не элемент опыта, следовательно, здесь нет причинности (подразумевается отсутствие причинной связи между исполнением желания или выполнением приказа и знанием значения слова). Но именно опыт – продолжает Витгенштейн – учит нас правильно понимать знак. Знак репрезентирует движение в некоторой игре (например, в игре исполнения приказа). Знак поэтому – компонент в игровой системе – контекстуально ограниченной. Сама такая система или игра и есть контекст осмысленного употребления некоторого знака. Здесь и появляется цитата из диалога *Кратил*. Витгенштейн иллюстрирует собственный способ говорить о значении слов через контрпример из Сократа. Кратил соглашается с Сократом (434a): имена должны быть более-менее подобны (тождественны) именуемому и не быть результатом соглашения. Более прекрасно поэтому было бы подбирать имена – подобные именуемому, а не просто «как попало»³. И далее Витгенштейн приводит в пример значение слова «красный». На первый взгляд рассуждения Витгенштейна эзотеричны. Одна из функций слова «красный» – вызывать у нас воспоминание соответствующего цвета.

---

² Интересно, что единственно полезным (wholesome) при чтении ранних диалогов Платона Витгенштейн считает признание: «Смотри, смотри, мы не знаем ничего!» (Bouwisma 1986, 50).

³ Так переводит Т. В. Васильева. Л. Витгенштейн пользовался здесь немецким переводом Фр. Шлейермахера: «...ist es vorzüglicher, Sokrates, durch ein ähnliches darzustellen, was jemand darstellen will, als durch das erste beste».

И предположим, продолжает Витгенштейн, что может быть обнаружено, что слово «красный» больше подходит для чего-то другого (в том смысле, что новое значение слова будет более точным или запоминающимся). Вместо механизма ассоциации мы бы могли использовать таблицу цветовых ассоциаций: где напротив слова стоял бы некоторый образец цвета. Так вот: Витгенштейн говорит, что такого рода suitability знака его не интересует.

Понять пересказанные замечания Витгенштейна со стр. 35 TS 213 непросто. Цитата из диалога *Кратил* (смысл которой схватывается только уже знакомыми с диалогом читателями) вряд ли что-то объясняет. В действительности Витгенштейн обсуждает «причинную теорию значения» и видит платоновский способ рассуждать о соотношении имени и именуемого через подобие или тождественность как своего рода аналогию или даже разновидность причинной теории значения (Витгенштейн на уровне аналогии или общей проблематики сопоставляет опосредование значения слова таблицей заданных образцов, опосредование значения слова «сущностью» именуемого и опосредование значения слова действием или же событием: выполнением приказа или исполнением желания). Витгенштейн же настаивает на контекстуальном соглашении – имеющим смысл в рамках языковой практики – относительно значения слов: цитата из диалога *Кратил* выступает, следовательно, контрпримером и необязательной иллюстрацией.

Последний значимый контекст цитирования Витгенштейном Платона – обсуждение понятия объекта (из Логико-философского трактата). Параграф 46 *ФИ*:

Что лежит в основе идеи, что имена в действительности обозначают что-то простое?

Сократ (в *Теэтете*) говорит: «Если не ошибаюсь, я слышал от некоторых людей, что не существует определения для первоначал {в немецком тексте – «Urelemente». В английском переводе Э. Энскомб стоит «primary elements». В русском переводе диалога стоит «первоначала». Мы переводим по тексту Витгенштейна с учетом русского перевода диалога Т. В. Васильевой}, из которых, так сказать, мы и всё остальное состоит. Ведь всё, что существует само по себе, можно только назвать (наименовать). Другое же определение: ни того, что оно есть [нечто], ни того, что оно не есть [нечто] дать нельзя... Но что существует само по себе должно... быть названо (поименовано) без какого-либо другого определения. Как следствие, невозможно объяснить ни одно из этих первоначал – для них возможно только именование: имя – все, что у них есть. А вот состоящая из этих первоначал вещь представляет собой совокупность и, стало быть, имена элементов [совокупности] становятся языком описания через сочетание друг с другом. Ведь сущность речи заключается в сочетании имен».

И индивиды Рассела, и мои объекты были такими первоначалами.

Приведенное место из *ΦΙ* широко обсуждалось и обсуждается в критической литературе (см. Soulez 2013). Мы ограничимся лишь небольшим комментарием. Цитата из диалога Теэтет (*Teētet* 201e-202b) появляется сначала в TS 220 на стр. 33 (первоначально – в MS 142) и уже после переходит через ряд общих правок в «Философские исследования». Витгенштейн использует фрагмент даже не для иллюстрации понятия «объект», а, скорее, как пример «примитивного языка», описанного ранее в §2 *ΦΙ*: то есть языковую игру в комбинацию различных последовательностей из имен-объектов (приблизительно как и передает Сократ (см. параграф 48)). Конечно, для Витгенштейна простота исходных «первоначал» определяется контекстом языковой игры. В качестве общего заключения можно сказать: использование фрагментов Платона не было «принципиальным». Перед нами небольшие иллюстрации или контрпримеры. Непосредственно философия Платона в критическом или герменевтическом рассмотрении Витгенштейна не интересовала.

Неожиданно резкие слова произносит Витгенштейн по поводу диалоговой формы. В MS 11 (стр. 192-3) Витгенштейн предлагает представить беседу по ходу прогулки. Мы бы говорили с разным темпом, с остановками – и речевые паузы вполне естественно могли бы быть связаны с перерывами в ходьбе. Подобные паузы и остановки – необходимые в обычном диалоге – будут мешать при передаче содержания разговора. Однако и простые реплики согласия или несогласия потеряют всякий смысл вне конкретной по ходу прогулки беседы. При передаче беседы реплики-остановки будут восприниматься как мучительные помехи («qualvolle, störende Aufenthalte»). Резко о фальшивости диалоговой формы диалогов Платона Витгенштейн высказался в беседе с Баусма (Bouwisma 1986 60):

...(Витгенштейн) начал говорить о чтении Платона. Аргументы Платона! Притворство вместо дискуссии. Ирония Сократа! Сократический метод! Аргументы были плохими, инсценировка – слишком очевидна, сократовская ирония – неприятна. Почему нельзя говорить то, что думаешь? Что касается сократического метода в диалогах – его там просто нет. Собеседники – дурачки, никогда не имеют своих аргументов, говорят только «да» и «нет» – как того и хочет Сократ. Компания придурков («they are a stupid lot»). На самом деле никто не спорит с Сократом.

Скорее всего передача слов неточная (Баусма не закавычивает слова Витгенштейна – пересказывает). Однако записанное Баусма согласуется с ранним манускриптом MS 11. Общая претензия Витгенштейна: диалог сфабрикован, инсценирован, налицо притворство и настоящих собеседников нет. Но если в первом случае Витгенштейну неуместной представляется переда-

ча элементарных реплик (да и вообще представляется сомнительной фиксация ситуации конкретного диалога) в диалоговой форме – то в беседе с Баусма добавляется неприязнь к производной от диалоговой формы сократической иронии, отрицательная оценка аргументов «Платона» и неприятие непрямого способа говорить. «Непрямое говорение» («почему нельзя говорить то, что думаешь») и сократовская ирония, конечно, взаимосвязаны. Встречаются, однако, и смягчающие резкое неприятие диалоговой формы диалогов Платона реплики.⁴ Работа или размышления Витгенштейна над диалоговой формой должна быть рассмотрена в двух аспектах. 1. Диалог и форма диалога непосредственно в текстах Витгенштейна (относительное влияние диалогов Платона не подвергается здесь сомнению в критической литературе).⁵ 2. Проблема «непрямого говорения».

Непрямое говорение распадается на множество приемов: непрямая референция, двуголосие, полифония, антиномические конструкции, употребление символов и метафор, смещение и наложение фокусов внимания, инсценировка «смерти автора» (см. работу Л. А. Гогтишвили «Непрямое говорение», 2006). Любой читатель сразу обратит внимание на обедненность языка «Философских исследований» символами, метафорами, не прямой референцией. Полифонии (не говоря о двуголосии) в строгом смысле в *ФИ* тоже нет: различные голоса и воображаемые или существовавшие в истории собеседники не прорисовываются как самостоятельные. А фрагменты диалогов – вписанные в текст – играют совершенно отличную роль и не создают значимого смещения фокуса внимания. На самом деле, отвержение непрямого говорения – важная (или даже самая важная) черта образа мысли Витгенштейна. Язык «чистых» фактов Логико-философского трактата исключает эстетические, этические и религиозные суждения как бессмысленные или безумные согласно известному критерию осмысленности. И подобное исключение знаменует этическую составляющую работы (суждения этики можно назвать непрямыми только в особом смысле). Справедливо, следовательно, предположить, что отрицательное отношение Витгенштейна к Платону (или к диалоговой форме платоновских диалогов) продиктовано не проблемой литературной передачи реального разговора (было бы странным приписывать Витгенштейну подобный критерий оценки литературного произведения), но постоянным стремлением к полной

---

⁴ Выше приводился относительно восторженный отзыв о Пармениде – но в основной части диалога нет даже претензии на дискуссию (но полно реплик согласия), что, вероятно, и понравилось Витгенштейну хотя бы в том числе.

⁵ См. сборник: «Wittgenstein and Plato: Connections, Comparisons and Contrasts» (Perissinotto, Camara 2013).

ясности (или даже честности) без намеков, инсценировок и любых приемов непрямого говорения. Задачу Витгенштейн признавал почти неразрешимой – отсюда в том числе известный скептицизм по отношению к своим текстам и к читателю. Иногда Витгенштейн доходит до странного речененавистничества. Баусма вспоминает (Bouwsma 12): «The moon was in the sky {далее Баусма цитирует Витгенштейна}. “If I had planned it, I should never have made the sun at all. See! How beautiful! The sun is too bright and too hot”... “And if there were only the moon there would be no reading and writing”». Загадочная фраза, но она, как нам представляется, должна быть прочитана в контексте отторжения Витгенштейном «непрямого говорения» (которое составляет большую часть написанного и в философии). Важный вопрос о поэтической речи и об отношении Витгенштейна к поэзии мы оставляем без внимания.

От проблемы непрямого говорения законно перейти к вопросу о способах организации Витгенштейном диалогов и диалоговой формы в своих собственных текстах.

Заметки (параграфы) *ФИ* названы в предисловии «пейзажными набросками». Книга – альбомом более или менее удачных эскизов. В *ФИ* содержится множество суждений, не только «набросков». Но «наброски» играют важную роль. Эскиз чаще начинается со слов: «а представь себе такое употребление языка...», «представь письменность...» и пр. И диалоги всегда предъявляют читателю (заранее ясно) воображаемую картину. Диалоги бывают и вписаны на уровне меньшей картины в большую: так в первом параграфе в известном примере (примеры следует понимать как те же эскизы) с пятью красными яблоками достаточно неожиданно появляется короткий в несколько реплик диалог воображаемых собеседников по вопросу о значении слова «пять» и «красный» (здесь скрыто фигурирует тезис о значении слова как употреблении). В подобной стратегии письма на самом деле нет «непрямого говорения». Автор может не прямо говорить от себя, а, например, реферировать чужие слова (реферирование не относится к способам «непрямого говорения»). Зарисовка словами мысленных картин – где могут встречаться и различные собеседники – также не относится к разновидностям непрямого говорения: здесь нет попытки выразить содержание сообщения через некоторый прием. Всего лишь – передача возможных точек зрения как чужих или более-менее близких. «Правильное» прочтение Витгенштейна поэтому находится в строгой зависимости от верного понимания: кто говорит (иногда противоположная Витгенштейну позиция не маркируется как чужая речь) и в какой момент происходит смена говорящих. Поэтому модификация диалоговой формы в текстах Витгенштейна требует специального прочтения и часто порождает неверные интерпретации.

Витгенштейн, как было показано выше, никогда не обсуждает по существу говоримое Платоном по вопросу об отношении языка к реальности, или относительно статуса «первоначал» (объектов) и пр. Витгенштейн игнорирует вопрос о реконструкции аргументов Платона и приводит соответствующие цитаты в качестве контрпримеров к собственным идеям. Конечно, для Витгенштейна философия Платона важна как своего рода исходный источник проблем западной философии, однако же более-менее заметное влияние Платона на Витгенштейна обнаруживается только в общем контексте размышлений Витгенштейна о стиле письма и организации текста.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ambrose, A., ed. (1979) *Wittgenstein's Lectures. Cambridge 1932–1935*. Oxford.
- Biesenbach, H. (2014) *Anspielungen und Zitate im Werk Ludwig Wittgensteins, gesammelt und ermittelt*. Bergen.
- Bouwsma, O. K. (1986) *Wittgenstein. Conversations 1949–1951*. Indianapolis.
- Drury, M. O'C. (1999) «Conversations with Wittgenstein», Flowers, F. A., ed. *Portraits of Wittgenstein*, vol. 3. Bristol, 188–252.
- Kienzler, W. (2013) «Wittgenstein Reads Plato», Perissinotto, Luigi, Camara, Begona Ramon., eds. *Wittgenstein and Plato: Connections, Comparisons and Contrasts*. New York, 25–47.
- Perissinotto, Luigi, Camara, Begona Ramon., eds. (2013) *Wittgenstein and Plato: Connections, Comparisons and Contrasts*. New York.
- Soulez, A. (2013) «How Wittgenstein Refused to Be 'The Son Of'», Perissinotto, Luigi, Camara, Begona Ramon., eds. *Wittgenstein and Plato: Connections, Comparisons and Contrasts*. New York, 281–297.
- Wittgenstein, L. (1974) *Philosophical Grammar*. Oxford.
- Wittgenstein, L. (1953) *Philosophical Investigations*. Oxford.
- Wittgenstein, L. (2005) *The Big Typescript TS 213*. Oxford.
- Гогтишвили, Л. А. (2006) *Непрямое говорение*. Москва.
- Лосев, А. Ф. Асмус В. Ф., Тахо-Годи А. А., ред. (1990) *Платон. Собр. Соч. в 4-х тт.* Москва.